

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭМИЛИЯ ХАРТ

Непокорные

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(Вел)-44
Х22

Emilia Hart
WEYWARD

Copyright © 2023 by Emilia Hart

This edition is published by arrangement with
Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Анастасии Олейник*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Харт, Эмилия.

Х22 Непокорные / Эмилия Харт ; [перевод с английского А. Олейник]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-242612-4

2019 год.

Кейт бросает все и бежит из Лондона в ветхий коттедж Вейворд, унаследованный ею от двоюродной бабушки. После заселения она начинает подозревать, что дом хранит в себе тайну, скрытую со времен охоты на ведьм в XVII веке.

1942 год.

Вайолет мечтает получить образование, но не может вырваться из семейного поместья. Очень давно она потеряла мать, и единственное, что ей осталось на память, — медальон с инициалом W и слово «Вейворд», нацарапанное на полу.

1619 год.

Альту с детства учили магии, основанной не на заклинаниях, а на глубокой связи с миром природы. Когда ее обвиняют в колдовстве и судят за убийство местного фермера, Альта знает, что ей понадобятся все силы, чтобы спастись.

УДК 821.111-31
ББК 84(Вел)-44

© Олейник А., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242612-4

Сестрицы-ведуньи¹, мчимся чередой,
Мчимся над морем, мчимся над землей,
Чтобы круг замкнула каждая из нас:
Трижды — ты, трижды — я, и еще раз трижды,
Три раза по три — чтобы девять вышло.
Уф! Готовы чары. Да придет их час!

Макбет

¹ В оригинале «the Weyward Sisters». Причем слово «Weyward» употребляется только в первом издании «Макбета» и всего один раз. Далее в оригинальном тексте эпитетом к сестрам стоит слово «weyard» (с неизвестным значением). В последующих изданиях оба написания заменены более современным словом «weird», и в классических переводах на русский язык «Weird sisters» мы видим как «вещие сестрички» или «вещие сестры», что соответствует роли этих сестер в книге. Однако мнения литературоведов и знатоков театра по поводу эпитета к трем сестрам расходятся. Есть мнение, что «Weyward Sisters» у Шекспира — вовсе не «Weird Sisters», а «Wayward Sisters». Да, конечно, они влияют на судьбы, да, они вещие, но они еще и «дикие, своенравные, следующие своим собственным правилам», «сбившиеся с пути [истинного]» (away ward), в конце концов. Так с XIV века называли *непокорных* женщин и детей, которые поступали вопреки воле мужчин и отцов соответственно. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

АЛЬТА

1619

Десять дней они держали меня там. Десять дней, и лишь вонь собственного тела составляла мне компанию. Даже ни одна крыса не почтила меня своим присутствием. Не было ничего, что могло бы их привлечь; мне не приносили никакой пищи. Только эль.

Шаги. Затем брэнчание металла о металл — это отодвинули затвор. Свет больно ударил по глазам. Долю секунды люди в дверном проеме мерцали, словно они не от мира сего и пришли забрать меня в мир иной.

Люди обвинителя.

Они пришли отвести меня на суд.

1

КЕЙТ

2019

Кейт смотрит в зеркало, когда слышит этот звук.

Ключ, поворачивающийся в замке.

Дрожащими пальцами она торопливо поправляет макияж — черные ниточки туши, отпечатавшиеся на нижних веках.

В желтом свете хорошо видно жилку, пульсирующую на шее, под ожерельем, которое он преподнес ей на прошлую годовщину. Толстая серебряная цепочка холодит кожу. Когда он на работе, она снимает его.

Входная дверь со щелчком закрывается. Ботинки кладают по половицам. Вино с бульканьем наливается в бокал.

Паника трепещет в ней, будто птица. Она делает глубокий вдох, касается шрама на левой руке. В последний раз улыбается зеркалу в ванной. Нельзя позволить ему заметить, что что-то изменилось. Что что-то не так.

Саймон на кухне, облокотился на столешницу с бокалом вина в руке. Кровь стынет у нее в жилах. Длинный силуэт, подчеркнутый темным костюмом, линия его скул. Золото волос.

Он смотрит, как она идет к нему. На ней платье, которое — она знает это — ему нравится. Плотная ткань

обтягивает бедра. Красное. Того же цвета, что нижнее белье. Кружевное, с маленькими красными бантиками. Как будто сама Кейт — что-то вроде содержимого упаковки, которую можно развернуть или разорвать.

Кейт подмечает детали. Галстука нет, три верхних пуговицы на рубашке расстегнуты, обнажая тонкие завитки. Белки глаз отсвечивают розовым. Он протягивает ей бокал вина, и в его дыхании она чувствует сладко-терпкий запах алкоголя. Ее спина и подмышки покрываются потом.

В бокале шардоне, ее любимое. Но сейчас его запах вызывает спазм в желудке, как будто запах гнили. Она прижимает бокал к губам, не делая глотка.

— Привет, милый, — говорит она высоким, отполированным специально для него, голосом. — Как прошел день?

Но слова застревают у нее в горле.

Он прищуривается. Несмотря на выпитое, он двигается быстро: его пальцы впиваются в нежную плоть выше локтя.

— Куда ты сегодня ходила?

Она всем своим существом хочет вырваться из его хватки, но знает, что лучше не стóбит. Вместо этого она кладет руку ему на грудь.

— Никуда, — говорит она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я весь день была дома.

Она была осторожна: оставила айфон в квартире, пока ходила в аптеку, и брала с собой только наличные. Кейт улыбается и тянется, чтобы поцеловать его.

Его щека покрыта щетиной. С запахом алкоголя смешан еще какой-то запах — пьяняще-цветочный. Похоже на духи. Это уже не в первый раз. Внутри нее вспыхивает крошечная надежда. Если у него кто-то есть, это может быть ей на руку.

Но она просчиталась. Он отстраняется от нее и...

— Врешь.

Кейт едва слышит это слово — рука Саймона впечатывается в ее щеку и от вспыхнувшей боли все плывет. Все цвета в комнате размываются, смешавшись: золотистые половицы, белый кожаный диван, калейдоскоп лондонского пейзажа за окном.

Что-то грохочет вдалеке: это она выронила свой бокал.

Она хватается за столешницу, судорожно пытаюсь вдохнуть и выдохнуть, в щеке пульсирует кровь. Саймон надевает пальто, берет с обеденного стола ключи.

— Никуда не выходи, — говорит он. — Если выйдешь, я узнаю.

Ботинки клацают по половицам. Дверь захлопывается. Она не двигается, пока не слышит скрип спускающегося лифта.

Он ушел.

На полу сверкают осколки разбитого бокала. В воздухе висит кислый запах вина.

Медный привкус во рту приводит ее в чувство. Губа, впечатанная в зубы силой его удара, кровоточит.

В ее мозгу что-то щелкает. «Если выйдешь, я узнаю».

Видимо, было недостаточно оставить дома телефон. У него есть другой способ. Другой способ следить за ней. Она припоминает, как разглядывал ее швейцар в вестибюле: неужели Саймон сунул ему пачку хрустящих купюр, чтобы он шпионил за ней? От этой мысли ее кровь застывает.

Если он обнаружит, куда она сегодня ходила и что делала, кто знает, что он еще может сделать. Установить камеры. Забрать у нее ключи.

И все ее планы сойдут на нет. Она никогда не выберется.

Стоп. Она уже вполне готова, ведь так?

Если выехать прямо сейчас, к утру можно уже добраться дотуда. Дорога займет около семи часов. Она тщательно проложила маршрут на втором телефоне, про который он не знает. Водила пальцем по синей линии на экране, лентой выходящей по стране. Она практически выучила его.

Да, она уйдет сейчас. Она *должна* уйти сейчас. Пока он не вернулся, пока у нее не сдали нервы.

Она достает «Моторолу» из тайника — конверта, приклеенного к спинке ее прикроватной тумбочки. Берет с верхней полки шкафа дорожную сумку, заполняет ее одеждой. Забирает из ванной комнаты свои туалетные принадлежности, коробку, которую сегодня спрятала в шкафчике.

Затем быстро меняет красное платье на джинсы и розовый топ. Дрожащими пальцами расстегивает ожерелье. Оставляет его свернутой петлей на кровати. Рядом с айфоном в золотом чехле: телефоном, за который платит Саймон, от которого он знает пароль. Который он может отследить.

Она роется в шкатулке с драгоценностями, стоящей на прикроватной тумбочке; пальцы нащупывают золотую брошь в форме пчелы — эта брошь у нее с детства. Она кладет ее в карман и ненадолго замирает, оглядывая комнату: кремовое одеяло и шторы того же тона, острые углы мебели в скандинавском стиле. Не может же быть, что это все, что ей нужно забрать? Когда-то у нее было много вещей — куча читанных-перечитанных книг, репродукции картин, кружки. Но здесь все принадлежит ему.

В лифте адреналин зашкаливает. Что, если он вернется и перехватит ее на выходе? Она нажимает кнопку гаража, но лифт рывком останавливается на первом этаже, двери со скрипом открываются. Сердце колотится. Швейцар стоит к ней спиной, разговаривая с другим жильцом.

Едва дыша, Кейт вжимается в стенку лифта и выдыхает, только когда никто так и не заходит и двери со скрипом закрываются.

В гараже она отпирает «Хонду», купленную до того, как они встретились, и зарегистрированную на ее имя. Он ведь не сможет потребовать у полиции объявить ее в розыск, если она возьмет собственную машину? Кейт видела достаточно криминальных сериалов. «Уехала по своей воле», — скажут ему в полиции.

Воля — замечательное слово. От него возникает чувство полета.

Повернув ключ в замке зажигания, она забывает адрес двоюродной бабушки в «Гугл Мэпс». Несколько месяцев она повторяла эти слова в своей голове, будто мантру.

Коттедж Вейворд, Кроус-Бек¹. Камбрия.

2

ВАЙОЛЕТ

1942

Вайолет ненавидела Грэма. Просто абсолютно не выносила его. Почему он целыми днями изучает что-то интересное, вроде точных наук и латыни, и еще про какого-то Пифагора, а ей остается втыкать иголку в холст и довольствоваться этим? И самое несправедливое, размышляла она, ощущая, как ноги зудят под шерстяной юбкой, что он делает все это в *брюках*.

Она сбежала по главной лестнице как можно тише, чтобы не нарваться на гнев Отца, который не одобрял фи-

¹ Название деревни говорящее: Вороний ручей.

зические нагрузки у женщин (и, ей часто казалось, саму Вайолет). Сдержалась, чтобы не захихикать от того, как позади пыхтит Грэм. Даже в своей неудобной одежде она легко обгоняет его.

А ведь только вчера вечером он разглагольствовал, что хочет пойти на войну! Скорее рак на горе свистнет. И вообще, ему всего пятнадцать — годом меньше, чем Вайолет, — так что он слишком молод. На самом деле это к лучшему. Почти все мужчины деревни ушли на войну, и половина из них погибла (по крайней мере, так подслушала Вайолет), включая дворецкого, лакея и *обоих* помощников садовника. В конце концов, Грэм — ее брат. Она бы не хотела, чтобы он *умер*. Предположительно.

— Сейчас же отдай! — прошипел Грэм.

Обернувшись, она увидела, что его круглое лицо раскраснелось от бега и злости. Он разозлился, потому что она украла его тетрадь по латыни и заявила, что он неверно просклонял все существительные женского рода.

— Не отдам, — прошипела в ответ Вайолет, прижимая тетрадь к груди. — Ты этого не заслуживаешь. Господи, ты вписал *amor* вместо *arbor*.

Преодолев остаток лестницы, она нахмурилась одному из портретов Отца, висящих в холле, затем повернула направо, промчалась по обитым деревянными панелями коридорам и ворвалась на кухню.

— Что за игры? — рывкнула миссис Киркби, державшая в одной руке тесак для разделки мяса, а в другой перламутровую тушку кролика. — Я могла остаться без пальца!

— Простите! — прокричала Вайолет, распахивая французские окна. Грэм продолжал пыхтеть у нее за спиной. Они пробежали через огород — их обдало пьянящими ароматами мяты и розмарина — и оказались в ее самом любимом месте на земле: в парке. Она обернулась и ухмыльну-